

ЧИЖИК-ПЫЖИК, ГДЕ ТЫ БЫЛ?

Если представить, что предновогодняя метель – это хранящий тайны занавес, то, заглянув за плотную снежную ткань, мы наткнемся на людей, каждый из которых несет свою историю сквозь сакральную русскую зиму. Свою историю, неповторимую, как след, остающийся от обуви на снегу. Несет до тех пор, пока не накроет с головой.

Время приоткрыть занавес.

Каждое утро гремющий баул Маруни, как вошедший в раж джазовый оркестр, оживлял мертвую тишину Караванной. Маруня часто срезала через нее, попутно кивая зодчим, чи головы навеки застыли в сонном сквере. Зодчие возвели город, а Маруня еще не построила даже перспектив. Бесформенный свитер цвета ряженки выпирал из такого же необъятного красного пуховика, уже заляпанного чем-то в метро. Но наспех укомплектованное макияжем лицо и любопытная челка, высунувшаяся из-под берета, все-таки напоминали городу – королева идет. Или еще лучше – императрица. Маруня Первая.

Под мышкой правой руки Маруня несла раскладной рыбацкий стул. Представить только – вот она триумфально спрыгивает на лед Фонтанки, достает коловорот и легким движением удочки ловит из лунки огромного тунца, который чудом заплыл в городскую акваторию из финских озер. Но нет, тот

самый баул, будто оживший ворох мыслей, вцепился в Маруню и никак не хотел отпускать.

Маруня вышла на площадь Белинского перед цирком и увидела на огромном плакате дрессировщика в обнимку с двумя амурскими тиграми, которых за утро занесло снегом. Неважный будет день. Стул как чугунный, да и товара по самую грудь. Успокоить некому. Только северный ветер, будто оправдываясь перед Маруней, не пытался сдуть ее с земли, а легко целовал в лоб и нос.

Из дома, окнами выходящего на площадь, на неопознанный объект в красном уставился безмянный первоклассник. Пока яичница еще только зачиналась в сковородке, а руки не прятались в карманы куртки, он разминал зрение. Отвлекся на утренний телевизор. На площади никого нет. Посреди лежит маленькая фигурка. Птичка. Следы. Еще одна птичка. Мама, клянусь, это был Дед Мороз! Только мешок у него почему-то дырявый.

У Инженерного замка Маруня снова остановилась. Вдох-выдох-вдох. И правда, стало почему-то легче.

Она работала на Чижика. На пятикилограммовую бронзовую фигурку, скромно прячущуюся от людей рядом с Первым Инженерным мостом. Появившуюся не то из-за пошловатой студенческой песенки, не то из-за пыжиковых шапок, которые эти студенты носили. Какое-то училище... Бог с ним, с учили-

шем. Чижику не нужна была историческая правда, ее придумали экскурсоводы. Чижику не нужна была реклама, ее давно сделал город. Да и манна небесная в виде монет, падающих на миниатюрную голову ежедневно, ему тоже была не нужна. Но вот Маруня ему зачем-то понадобилась, и Чижик дал ей работу. Человек не дал, а памятник – запросто. Петербург.

Маруня быстро соорудила полочки и начала представлять на них, как на нотном стане, чижигов-пыжигов – из пластика, металла, глины. Пачка ценников, лежащая в одном из многочисленных карманов, не пригодилась – зачем мусорить при сильном ветре.

Завидев идущих мимо ограды Летнего сада трех легко покачивающихся мужчин, Маруня засмеялась. Золотодобытчики идут. Если бы можно было сравнить их с гайдаевской тройкой, то самым бывалым был, несомненно, Олег. Укротитель петербургского климата весь год носил кепку, аккуратно прикрывающую лысину, и кеды, но не забывал, когда нужно, утепляться бабушкиными шерстяными носками. Но голос у него был всегда хриплый – простуженный, не прокуренный.

Привет, Олежка! Как бабуля? Я ее с Днем снятия поздравляла, звонила. Опять носки тебе связала? Сегодня без презентов, прости. На следующей неделе вот такую, смотри – вот такую! – рыбку обещаю, мне на рынке оставят.

Олежка, как и Маруня, – когда работал, а когда как. Когда двухтысячные еще только подкрадывались, он уже доставал с антресоли длинную веревочную лестницу, напоминавшую об актерском прошлом, лопату, ведро и ходил грабить фонтаны и памятники. Правда, этот способ работал только зимой, когда поверхности, по которой можно ходить, в городе становилось больше. Дирижерский взмах руки – и вот лестница устремляется прямо к Чижику, а там – рой мелочи, оставшийся после вчерашнего дня. Летом все доставалось водолазам, у них была оборудована специальная сетка, а зимой – всем желающим. Смотри, Марунь, деньги лопатой гребем! Да, Мария стала Маруней именно с легкой руки лучшего друга.

Маруня смотрела на монетки, которые одна за другой прыгали в совок лопаты, и вспоминала маму, которая всегда говорила «копейка рубль бережет», а потом умерла с нулем в сберкнижке. Вспоминала, как падали с высоты телефоны, хозяева которых пытались сделать селфи и с собой, и Чижиком. А я по хвостику попала, это считается? Считается. Какая я умница.

Вспоминала, как одна пара, пытавшаяся разбить бокал шампанского о клюв Чижики, вдрызг разруга-

лась и уже готова была развестись, если бы не еще одна попытка злополучного селфи кого-то из свидетелей, падение в воду и триумфальное спасение.

Зимой, когда туристы не стремились покидать свои дома, у Чижики было гораздо тише. Иногда ненадолго образовывались кучки, но быстро рассасывались. Поэтому Маруня носила в отдельном кармане свое главное оружие от скуки – наушники-капли. Правда один наушник уже начал барахлить, да и красный проводок в одном месте показался на свет. Поэтому Алле Пугачевой пришлось приложить немало усилий, чтобы достучаться до Маруни. И все же Алла затянула свою неторопливую балладу о любви и разлуке. Маруня легко покачивала бедрами и заводила ногу за ногу, подпевая:

Ты уезжал в далекий край, любить и помнить обещаю...

Нет, это не памятник надежде. Это источник дохода местных бомжей.

С памятниками у Маруни сложились интересные взаимоотношения. Недалеко расположился на коне Петр – громоздкий, колючий, неуклюжий – что Петр, что конь. Про Петра Маруня хоть что-то знала, поэтому и не любила. Город, конечно, красивый, но столько людей похоронил. И даже завещания не оставил. Нет, такие принцы мне не нужны. Внутри, в Михайловском замке, – Павел. Мертвенно-холодный, сапоги огромные, будто сами по себе. Вроде ничего, но пафоса много.

У Олежки была одна любовь до гроба – мама, да и дружбы было достаточно – с многолетней выдержкой, как у хорошего вина, не из тетрапака. Так и стала бы Маруня сама памятником, если бы однажды к Чижику не подошел император. Самый настоящий.

Его как будто тоже принесло тем самым декабрьским ветром. Или отбило от стаи подобных ему императоров. Шуба с соболиным пушком, под ней расписной камзол, а под камзолом... валенки. Да, не наш.

Наняли его под свадьбу, и был он чем-то вроде живой скульптуры на этих, иногда совсем мертвых, праздниках жизни. Маруня иногда смотрела, как он сначала позирует с женихом и невестой, потом с набевавшими туристами, и так до бесконечности. Император на побегушках.

В один особенно холодный день он заприметил выглядывающий из-за Маруни старый термос, которого хватило бы на целый детский сад, на ясельную группу точно. Что у императора было не отнять, так это таланта начинать беседу. Первая фраза – всегда в яблочко. Милейшая, цветы в вашей жизни только на термосе или еще бывают?

Маруня от неожиданности вскинула руки в воздух, как при пожаре, но потом вдруг резко переменялась в лице. Вы знаете, бываю, у бабули на даче собираю и продаю – и уверенно прибавила – в свободные вечера. Вот вам чашка, вот вам чай.

Стало вдруг смешно из-за своей же блеклой шутки.

Маруня? Какое странное имя. Вы, наверное, Мария? Или Марья? Уж в крайнем случае Маруся. Маруня, пойдете после работы в сад? Ах да, простите, вот ваша кружка. После вашего чая танцевать хочется. Вы знаете, я не люблю свое имя. А документы менять – себе дороже. Зовите меня просто – Палыч.

Почти Павел. С императором совсем нет сходства, но благодаря парик, похожему на кучевое облако, вполне походит. Сначала Маруня запиналась, но потом раз за разом Палычи начали вылетать из ее губ, как самолеты в перегруженном аэропорту. Палыч, Палыч! Полетели.

С тех пор, где бы ни ступала нога Маруни, из-под этой ноги пробивалось тепло, то самое, которое избавляет от снега небольшие участки земли рядом с канализационными люками всю зиму. Может, потому так тянуло именно в Летний сад. Ранними вечерами он встречал Маруню и Палыча, вальяжно приоткрыв свою решетку будто для них одних. На фонтанах, без воды превратившихся в огромные миски, балансировали синицы, пытавшиеся выжить в поисках прошлогодних крошек. Девять десятков мраморных скульптур, закованных на зиму в деревянные короба, будто пытались подслушать банальные, но такие желанные комплименты. В восемь вечера бородатый сторож, уже выучивший имя Маруни, находил влюбленных где-нибудь за массивным дубом и указывал рукой на дальнейшее продолжение вечера.

Чудеса на этом не заканчивались. Как-то раз французская группа туристов, испытывающая сувенирную жажду, не только легально ограбила торговую точку Маруни, но еще и отсыпала ей нехилые чаевые. До конца рабочего дня Маруня выбирала, на что потратить свалившиеся с неба несколько десятков евро. На одной чаше весов был тонометр-автомат для бабушки, а на другой – бесшабашный кутеж в ресторанчике неподалеку, о котором Маруня не то что бы грезила, но... глаза грустного императора, заработавшего за день несколько сотен рублей, окончательно подсказали ей, где они проведут сегодняшний вечер.

Счастливым декабрь. Так и уволиться можно, и уехать на Новый год на дачу. Ведь у Палыча есть дача. Такая большая, что ее вполне можно назвать

дворцом. Только Олежку бросить придется. Ничего, не пропадет. Пора и свою жизнь устроить.

Поздним вечером Маруня возвращалась домой в трамвае, который ледоколом пробивал плотную пелену густого снега. Трамвай остановился на последнем перед остановкой светофоре. Маруня посмотрела налево. У магазина «Сыры» дежурила глазастая ростовая кукла в костюме вороны. Только не накаркай, прошптала она. Не накаркай.

Завтра месяц, как они с Палычем встречаются.

Девушка, на выход, конечная! Маруня, опомнившись, выпорхнула из трамвая и полетела домой.

Ей снился обед в Янтарной комнате. Коронованный Палыч, блондин уже от природы, и она, в двухэтажном парике, в котором можно заблудиться, вся обсыпанная мушками, ест соловьиный язык и смотрит на Финский залив. География не в счет. Рядом носятся бессчетные младшие дети, а няня-наседка безуспешно пытается усадить их за книги. Старшие в это время в музыкальном зале разучивают концерт для флейты и арфы, написанный Моцартом специально для императрицы. Разрозненные знания в области культуры могли нарисовать Маруне и другую, еще более радостную картину, да только в сон встряла какая-то пожилая фрейлина, сообщившая о визите... Кого-кого, простите?

Марунь, там Олежка на проводе. Кашляет. Не оставляй больше телефон в моей комнате. Бабушка Маруни, еще немного поскрипев в себя, потащила провод от зарядки к себе в комнату, волоча вилку по полу.

Привет, Олежка. Ты чего так кашляешь? Ангина? Смотри, аккуратнее на льду. Я теперь прогульщица. Влюбленная прогульщица, Олежка. Да, доверяю. На тысячу процентов. У меня ведь взять нечего. А если уж обидят – у меня есть ты, верный мой рыцарь. Какая больница? Никакой больницы! Твоя маман – самая лучшая больница на свете. Все, мне на работу завтра. Не дрейфь. Я тебе позвоню.

Маруня положила трубку, и в полусонном дреме тут же растворилась каждая секунда этого непродолжительного разговора. Все место в голове, предназначавшееся для Олежки и других когда-то близких людей, заняли грезы – вооруженные грабители, ворвавшиеся без спроса в дом мыслей.

Она ждала весь день, пока кокетливое петербургское солнце не начало наконец тоже закутываться в одеяло вечера. И вдруг подумалось – никакого Палыча не было. Это все императорские мечты, которые на отрезок жизни превратили ее в героиню собственных снов. Какое некрасивое слово – отрезок. Самый счастливый отрезок жизни.

Со стороны замка к Маруне шла императрица. Молодая, перспективная, только окончившая институт. Не благородных девиц, конечно, а кино и телевидения. Вы, кажется, Маруня? Вам мой напарник просил передать. Перед тем как уехал.

В записке значилось всего три слова. Я тебе позвоню.

Где-то рядом звякнула монетка.

Маруня отвернулась к замерзшей Фонтанке и будто сама начала покрываться коркой толстого петербургского льда. На ее лице не было ни досады, ни тоски, ни других малейших оттенков чувств. Мертвое море. Тетя, у вас пяти рублей не будет?

Мертвое море.

А, тетя? Ну, может, хотя бы десять.

Мальчик, чего тебе?

Мне сказали, что пятирублевки лучше всего идут. Я так хочу собаку, а пяти рублей на собаку вам не должно быть жалко. Не бедный я, у меня все на карточке.

Безмянный первоклассник бросил монетку, потом еще одну. Все мимо. Ну и ладно, я все равно их упрошу. Спасибо, тетя. Красивые у вас птицы. Где-то я одну такую уже видел.

Когда все ушли, Маруня вытащила еще одну пятирублевку из кармана и долго-долго прицеливалась. Монетка столкнулась с клювом, попрыгала в воздухе и осталась лежать возле левого крыла.

Чижик-Пыжик, где ты был?

Свадебный кортеж, ненадолго остановившийся у памятника, уже собирался продолжать праздновать в ином, более теплом месте, как вдруг Маруня обняла своим телом всю богато одетую компанию. Простите, а вы не подбросите до второй городской? Мне друга проведать.

Маруня быстро погрузила всех металлических птичек в баул и закинула его в багажник. Лимузин со скоростью реанимационного автомобиля и чем-то чирикающим внутри помчался по набережной Фонтанки.

КЪЯНТИ И КОРГИ

С наступлением зимы у Лоры возникало непреодолимое желание стать зайцем: преобразиться во все белое, наострить уши, прыгнуть с разбегу в нору, да и быть таковой. А все из-за Клима Геннадьевича, который как раз каждый декабрь успешно мутировал – из передового начальника в редкостную сволочь.

Но у Лоры не было даже своей норы. Каждое утро она поднималась на последний, тринадцатый этаж стеклянного муравейника и оказывалась в самом центре опенспейса. Лора как будто работала швейцаром на полставки, ведь каждый гость на этаже первым делом проходил мимо ее стола. Благо не нужно было снимать с гостя пальто, отдающее прокуренным воздухом, или одаривать чередой вопросов-условностей о погоде или состоянии дел.

Тот самый тринадцатый этаж будто оказался потолком жизни Лоры. Она вполне удачно спродюсировала свою биографию до прихода сюда, в рекламное агентство. Правда, где-то там, за медалями, дипломами и восторженными отзывами с практики, осталась маленькая девочка, которая только готовилась сделать свой, не логичный, а свой шаг. Времени на перемотку назад не было – стратегия работала. Лора вполне успешно возглавляла отдел стратегического планирования, состоящий из нее одной. Сама себе начальник, сама себе раб.

Она никогда не брала с собой американскую улыбку. Радость проскальзывала только в зеленых глазах, которые начинали по-особенному блестеть в те самые секунды. Может быть, поэтому соседи по лифту с ней никогда не здоровались или махали рукой, как японские однолапые коты, поселившиеся в машинах их суеверных владельцев.

Подкрался последний рабочий день. Пока машины мылись в пробках под декабрьским дождем, Лора, выйдя из метро, присоединилась к парадку зонтов, шагающих в сторону бизнес-центра. Золотисто-русые волосы накрывал защищающий от ветра шарф, несколько раз обмотанный вокруг шеи. Из-под длинного кашемирового пальто выглядывали черные ботильоны, уже вкусившие сегодняшнюю непогоду.

На небольшом открытом катке рядом с бизнес-центром висело красноречивое «закрыто», а из проплывающего рядом такси доносилась АВВА, настойчиво требующая новогоднего настроения.

Сегодня Лора вела статистику – примерно каждый пятый в зависимости от набранной скорости сбивал ее зонт, лежащий на беззащитной тумбочке рядом с рабочим столом. Другого, более безопасного, места решительно не находилось. Чуть больше половины стола занимал гигантский монитор, на котором время от времени появлялись идиотские философские изречения в духе Клима Геннадьевича. Рядом – несколько идеально ровных скрепленных

Во-первых, она постоянно чередовала одежду в своем рабочем гардеробе. Если фантазия брала тайм-аут, то Лора цепляла на грудь значок или другую безделушку, купленную в переходе у работы. Во-вторых, раз в месяц она меняла обои на телефоне. Портрет Одри Хепберн, безжизненный северный пейзаж, пожилая пара, прогуливающаяся по парку, баобаб посреди пустыни – так и пролетал год.

стопок безмянных бумаг, готовящихся отправиться в шредер. Под рукой – ваза, которая досталась в прошлом году от тайного Санты. Японская, прикладная в прямом смысле – ее можно было приложить к губам и поорать, когда совсем тяжело. Правда, почти весь год в ней стоял одинокий цветок, который своим небольшим усилием оживлял во всех смыслах душный опенспейс.

Где-то на задворках, за чашей скрепок и листов, прятались две фотографии в невинных детских пупырчатых рамках. Мама и ее пудель Валентин, отдельно. Причем Валентин всегда стоял на переднем плане. Ведь мама и так была в авангарде Лориной жизни, хоть и жила на окраине Москвы.

Чтобы не стать заложницей рутины, у Лоры было два важных ритуала. Во-первых, она постоянно чередовала одежду в своем рабочем гардеробе. Если фантазия брала тайм-аут, то Лора цепляла на грудь значок или другую безделушку, купленную в переходе у работы. Во-вторых, раз в месяц она меняла обои на телефоне. Портрет Одри Хепберн, безжизненный северный пейзаж, пожилая пара, прогули-

вающаяся по парку, баобаб посреди пустыни – так и пролетал год. В этот раз Лора решила все сделать заранее – и вот на ее телефоне уже красовался вид из иллюминатора. Может быть, тот самый, который предстанет перед ней уже меньше чем через сутки. Осталось только взять билет.

На плечо Лоры вдруг приземлились вечно интесующиеся пальцы с сочным малиновым маникюром. Это была Зинка, рыжеволосая коллега из вино-коньячного цеха, подпольно работающего под Зинкиным столом. В миру же она слыла дизайнером. Зина обладала замечательным умением быть серой мышью в те моменты, когда вокруг нее все становились белыми воронами.

Лорик, айда отмечать сегодня после работы. Креативщики отметили, аккаунты и трафики тоже, а мы чем хуже? Смотри, какой кьянти приберегла.

Под столом блеснуло нечто соблазнительное.

С того момента, как Клим Геннадьевич первый раз громко приземлился в директорское кресло, сотрудники агентства забыли о новогодних корпоративах. Отмечали отделами, когда хотели, а деньги, которые могли быть потрачены на лучшие мгновения в этой жизни, по мнению Зинки, отправлялись в разные приюты, чаще всего собачьи. По офису ходили слухи, что Клим Геннадьевич однажды तो ли задавил собаку на своем «шевроле», то ли утопил щенка в далеком детстве. Словом, замаливание чьих-то грехов лишало общего праздника двадцати двух человек.

Лора же так не считала, а как раз поддерживала начальника в этом ежегодном начинании, и, видимо, только в нем одном. Она представляла, как облезлому сенбернару-пенсионеру подносят миску роскошного корма, словно государственную награду за несколько лет, а в пересчете на человеческие – десятилетий верной сторожевой службы в приюте. Как маленькой таксе вручают огромную кость, сопоставимую по длине с самой таксой. Как обыкновенной дворняжке дарят резиновую игрушку, машину времени, благодаря которой можно перенестись в безболезненное детство.

Новый год Лора тоже перестала отмечать, тем более на работе. Но сегодня было какое-то иное, праздничное настроение. Поэтому, сама не ожидая от себя, она резко сказала Зинке «да», а та от радости взвизгнула на весь опенспейс, как будто дело происходило в загсе.

Иногда хотелось как следует хлопнуть дверью. Выбор был невелик – либо кабинет Клима Геннадьевича, либо переговорная. Обе двери стеклянные, бесшумные, как будто парящие в невесомости. При-

ходилось искать более аккуратный способ заявить о своем недовольстве. И мысль о вечернем бокале вина пришла как нельзя кстати.

День превратился в один сплошной обеденный перерыв. Все только и делали, что поглядывали на часы и спешно скупали товары с онлайн-витрин. В этом новогоднем утреннике для повзрослевших детей не хватало только главной звезды – Деда Мороза. Клим Геннадьевич с самого утра не подавал признаков жизни и даже не прислал ни одной мотивирующей цитаты в телеграм-чаты.

К пяти вечера на работе остались только Лора, Зинка и запах алкоголя, экспрессом промчавшийся через весь опенспейс. Тут и раздалось легендарное Зинкино «ща». С воодушевлением она достала неизвестный охране ключ и пропала на несколько минут в темных коридорах агентства.

В этот же момент распахнулась дверь, ведущая к лифтам, и в коридор влетел взъерошенный, вспотевший Клим Геннадьевич. На его бороде еще были видны остатки снега. Рубашка почти выпрыгнула из брюк. Подтяжки ходили ходуном и жили самостоятельной жизнью.

Лариса, как хорошо, что вы здесь! Классный значок, люблю Маяковского. Я волком бы выгрыз капитализм... Так, по делу. Мне подрядчик пять минут назад прислал какие-то левые документы, посмотрите?

Но это не моя...

Лора, не успев закончить, нагнулась, чтобы поднять зонт, который тоже не выдержал напора Клим Геннадьевича. Вдалеке показалась Зинка с двумя переливающимися бокалами, и тут же по резкому жесту Лоры поняла – поражение. Или временное перемирие.

Уже стемнело, и только настольные лампы, подмигивая друг другу, освещали маленький закуток пространства, где бесшумно чокались Лора и Зинка и клялись бдительно, в случае накрытия их нелегального притона.

Хорошо, что мы в этом году без черной метки, да, Лорик? Клим Геннадьевич, видимо, сам себе ее торжественно вручил.

Лора медленно пьянела и только отмахивалась от Зинки, которая будто так и хотела накликать беду. Она как будто забыла о ежегодном наказании, проявляющем странные наклонности Клим Геннадьевича. Он называл все это проделками судьбы и полностью снимал с себя вину. Якобы в одной сингапурской компании Клим Геннадьевич подсмотрел ноу-хау – оставлять «счастливчика» на рабочем месте в новогоднюю ночь и делать так каждый год,

чтобы остальные не прохлаждались. То ли Лора подпала сделку с Мефистофелем, то ли наговаривала на игральную кость, которая вершила судьбы, но черная метка не попадалась ей ни разу. А вот Зинке повезло меньше – последние два года обращение президента она смотрела с рабочего компьютера. Относилась Зинка к черной метке философски – много лет была в бездетном разводе, да и кьянти под столом стояло не зря весь год.

Когда последняя капля вина отчалала из стеклянного дна и бутылка торжественно погрузилась в черный целлофан, Лора ненадолго отъехала на кресле на свое место и открыла сайт авиакомпании, к которому стремилась весь день. Сочи, Тбилиси, Рим – лакомые направления будто громкими голосами зывали Лору и пытались перекричать друг друга, как таксисты в аэропорту. Только вино, оказавшееся не таким уж и кьянти, создавало в голове Лоры свой маленький аэропорт, где самолеты летали так, как им вздумается. Главное – не забыть купить билет.

– Забыл, забыл! – Клим Геннадьевич выскочил из своего аквариума и застал врасплох Зинку, по-детски заметавшую следы преступления. – Девочки, я совсем забыл о черной метке! А вы, наивные, попытались мной воспользоваться? То-то!

Клим Геннадьевич хотел на мгновение превратиться в Карабаса-Барабаса, но напомнил скорее подвыпившего Пьеро.

Он провел операцию как заправский хирург: вынул кость из заднего кармана пиджака, подбросил, потом скрылся под столом в поисках ответа на им же придуманную хохму и с одышкой бахнул в чье-то кресло.

Лариса!

Буквы и звуки в голове Лоры крутились, как в барабане стиральной машины.

Круиза? Никакого круиза! Мне самолет, только самолет...

Кресло медленно развернулось к Климу Геннадьевичу, но в скрипе уже не чувствовалось никакого напряжения. Клиновое кьянти одержало верх.

Зайцева, вы ослышались. Завтра выходите на работу. С наступающим! А мне пора собираться. Шереметьево не ждет.

В глазах Лоры Клим Геннадьевич как будто растворился в воздухе. Недоумение постепенно сменялось возмущением, но было уже поздно. Зинка неловко присоседилась к Лоре, бегло осмотрела ее, как врач на дому, – с порога, не разуваясь.

Вот это тебя разнесло, подруга. Какие уж тут билеты, иди домой, отсыпайся. Тебя же отследят,

Лора открыла антресоль, и сверху на нее посыпалась рухлядь, к которой никто не притрагивался несколько месяцев. Те самые вещи, которые нужны всего один раз, но по самой экстренной необходимости.

если не придешь, и премии лишат. Давай, откисай. В новом году увидимся.

Отчеканив набор дежурных фраз, Зинка направилась в гардеробную. Вдогонку ей полетел набор самых разнообразных ругательств, болванками стрелявших по непробиваемому танку. Лишь где-то на охране внизу доносилось: «Чтоб ты со своим... я из-за твоего бухла... ну ты и...» Но было уже во всех смыслах поздно. За полночь.

Пяти станций зеленой ветки метро Лоре хватило, чтобы почти протрезветь. Она ехала в последнем вагоне, рядом с сонной семьей, одетой в красные новогодние колпаки. Отец, мать и сын излучали какое-то сладкое спокойствие, будто рядом не хватало камина и хвороста, уютно потрескивающего в огне. Где-то в сумке раздался приятный женский голос, призывающий проснуться и петь. Это звонила мама. И все действительно проснулись.

Стоило Лоре нажать на зеленую трубку, как из телефона рванул голос, как чертик из табакерки. Лариса, ты почему трубки не берешь? Я уехала за город, Людмила Васильевна с работы меня позвала. Ах да, прости, забыла тебе сказать. Я завезла тебе Валентина. Нужно с ним погулять. Прямо сейчас. Если он уже не сходил на твою кровать. Самое главное – не бойся, я его уже покормила. Послезавтра приеду. Связь пропадает, мы в полях. С наступающим, доченька.

Внутри Лоры все заклокотало, но когда лава гнева уже почти подобралась к жерлу вулкана, пошли быстрые гудки, напоминающие тахикардический писк кардиограммы.

Лора, еще немного покачиваясь, хлюпала по слякоти сапогами, смотрела на звезды, с трудом пробивающиеся на московском небе, и поймала взглядом мигающий маячок самолета, летящего в какую-то теплую страну.

На площадке третьего этажа было тихо, но как только Лора вставила ключ в дверь, с той стороны раздался лай, залихватистый, как колокольчик первоклассницы, сидящей на плече выпускника. Лапы Валентина неотвратимо прыгнули на Лору, даже не дав ей присесть на пуфик в прихожей. Нужно было срочно искать поводок под оглушительный аккомпанемент пуделя.

Как же давно тебя не стригли. Скоро в облако превратишься.

Лора открыла антресоль, и сверху на нее посыпалась рухлядь, к которой никто не притрагивался несколько месяцев. Те самые вещи, которые нужны всего один раз, но по самой экстренной необходимости. Первым в глаза почему-то бросился старый ватман, на котором фломастерами были написаны фамилии и имена одноклассников Лоры. И только в правом нижнем углу, разными цветами – Л О Р А. Для Ларисы Зайцевой не хватило места.

Завернув в арку, Лора спустила Валентина с поводка и выбросила застоявшийся с утра мусор. Во дворе стояла такая тишина, что было слышно маленького ребенка, плачущего в одной из сотен квартир соседней панельки. Вдруг на тропинке, ведущей к оживленному проспекту, появились два силуэта – двуногий и четырехлапый. Сейчас Лоре меньше всего хотелось с кем-то знакомиться, поэтому она действовала решительно. Валя, ко мне! Пудель, только начав пробовать на вкус уличную свободу, покорно вернулся к новоиспеченной хозяйке. Лора быстро засемила к дому. Но было поздно, полуночная собачница уже бежала к ней наперерез. Подождите, подождите, нам только понюхать!

За женщиной за пятьдесят, вытаращив глаза и язык, тащился маленький рыжий корги, явно не понимая, кого и зачем нужно нюхать.

Какой у вас славный пуделек! Давайте знакомиться. Я – Нинель Георгиевна! А это мой маленький, Федька.

Лора ненавидела уменьшительно-ласкательные суффиксы, которые делали и без того сладкие слова непростительно приторными. Пуделек. Фу. Но решила отрезать. Чтобы раз – и все. Простите, мы торопимся. Новый год скоро, знаете?

Конечно, знаю, дорогая. Я уже все нарезала и в холодильник поставила. И завивку сделала.

Незнакомка откинула капюшон кислотно-розовой куртки и предьявила доказательство своей радости. Что за дурацкая выставка достижений на ночь глядя – читалось в глазах Лоры. Она хотела было предьявить убойный аргумент про завтрашний рабочий день, но вдруг Валентин и Федор принялись, потерялись друг о друга и вместе с поводками начали броуновское движение в пространстве. Отношения между псами становились все более запутанными.

Что вы делаете?! Зачем вы вообще ночью с собакой выперлись? Вроде интеллигентная женщина, а таким хамлом оказались! Лора с трудом распутывала узлы, которые закручивались снова и снова.

Уф-ф. Она наконец выпустила пыль, накопившийся за весь день. У Нинель Георгиевны сник румянец щек, потускнели глаза и опрокинулась улыбка. Поводок распутался. Пойдем, Федька. Нам здесь не рады. Всего доброго.

Переборщила.

Подождите! Простите, я сегодня заработалась что-то. Пусть еще поиграют. Сколько вашему лет?

Нинель Георгиевна оглянулась. В глазах блеснула маленькая искорка бенгальского огня.

По-весеннему декабрьский воздух вдруг наводился ворохом тем, общих для двух дам с собачками. Они пересекли два двора, сделали несколько кругов вокруг школьного стадиона, а затем вышли к пятиэтажке, на первом этаже которой горел свет.

Я тут живу. Свет не выключаю, чтоб не подумали, что меня нет дома. Возраст, безопасность, иногда надуманная, сами понимаете. Не хотите ко мне заглянуть? Мне из Италии такое кьянти прислали. Не переживайте, только на полчаса!

Нет-нет, простите, я не пью. Чай у вас найдется, московский? Лора улыбнулась второй раз за день.

В подъезде Нинель Георгиевна забрала несколько писем из почтового ящика. На нем была приклеена маленькая бумажка-визитница.

Ёлкина.

НГ.

Лора ожидала, что машина времени перенесет ее в советскую квартиру-ностальгию с ковром на стене и салфеткой на телевизоре, да только никакой салфетки не было, а телевизор оказался не пузатым, а плазменным. Контрольный выстрел произвел роскошный книжный шкаф, в котором было место и альбому об искусстве, и виниловым пластинкам. В апельсиновый лежак приземлился помытый Федя. Валентину постелили рядом. Оба смотрели на своих хозяек и недоумевали.

Лариса?

Можно просто Лора.

Лора, вот ваш чай. Я метнусь минут на десять, у меня скайп с Ливерпулом. Дети будут поздравлять.

За закрытой дверью спальни слышался детский смех, звон бокалов и самые искренние поздравления. Слово это был не семейный разговор, а запись «Голубого огонька», которую удалось подслушать Лоре.

В соседней комнате она увидела раскрытое фортепиано, на котором стояли распечатанные ноты и детские игрушки. Лора подошла поближе и разглядела:

Собачий вальс. Трехдольный

Нинель Георгиевна открыла дверь спальни. Лора дернулась и обозначила на лице неловкость от случайной находки.

Не переживайте, welcome. Это последнее, что успел разучить Федя перед отъездом. Он сейчас в Ливерпуле, с Димой, моим сыном, и Маргарет, моей невесткой.

Федя? В Ливерпуле?

Да, моему внуку уже десять. А месяц назад внучка родилась. Скорее бы они приехали. Обещали на майские.

Сзади раздалось утвердительное «аф».

Лора с Валентином плелись через тот же сонный двор, только сами были еще более сонными. Лора на секунду уставилась в тишину. Ребенок в панельке уснул.

